

Н. А. Гильмутдинова

СУВЕРЕННОЕ ПИСЬМО: ЛОГИКА СМЕЩЕННЫХ НАЗЫВАНИЙ

*Испепеленное уже ничто помимо золы,
Остатка, который обязуется больше
Не оставаться, это место ни для чего,
Себя зашифровало чистое место. - Чистое
Слово. Оно призывает огонь.
И вот - зола, вот кто занимает место,
Оставляя место, чтобы было слышно:
Ничто не будет иметь места, кроме места.
Вот место и вот - зола: уместна.
Ж. Деррида. Золы угасшей прах*

Ж. Деррида унаследовал от традиции А. Шопенгауэра, Ф. Ницше, Л. Шестова, М. Хайдеггера понимание мира, языка, бессознательного как героев, чья сила и строение абсолютно несоразмерны человеческим возможностям и неантропоморфны. Его мир полон деятельными идеальными субстратами, силовыми субстанциями, обладающими уникальными, квазиличностными характеристиками, огромным информационно-энергетическим потенциалом. Эти властные вещи отнюдь не являются нашими инструментами, средствами, словом, рабами, напротив, это энергично атакующие захватывающие, увлекающие и даже неумолимо повелевающие нами вещи. Здесь Деррида переосмысливает диалектику господина / раба, освоения / отчуждения («от-своения») применительно к ситуации постиндустриального общества, главным продуктом которого становится Homo informaticus - человек, оперирующий знаниями, пишущий и читающий, производящий, потребляющий и играющий с информацией.

В нынешних условиях радикально меняется само понимание органической и неорганической человеческой телесности, размыкается сама граница в столь традиционных отношениях, как искусственное / естественное, опосредованное / непосредственное, культура / природа, внутреннее / внешнее, текст / контекст. Данные устойчивые оппозиции переворачиваются в силу возросшей наступательной активности внешнего, в прежней системе координат - контекстуального пространства и времени, имеющего все более искусственный, рукотворный характер. В результате любая абстрактная или конкретная реальность текстуализируется, т. е. рассматривается, расчленяется, утрачивает свою первозданность, несотворенность, свой статус «конечной», недифференцируемой инстанции, и становится продуктом, следствием - в терминологии Деррида «записью, описанием, следом», - бесконечно отсылающим к чему-то Другому и в то же время отличным от него. Тем самым любая вещь как бы фиксирует воздействие организованной и функционирующей реальности, мощно вторгающейся во все прежде натуральное и проблематизирует привычную границу человеческой индивидуальности.

Разумеется, в подобных, рамках сама материя текста претерпевает изменения, и понятие это трактуется заведомо расширительно, обобщенно настолько, что у него больше уже нет предела, нет ничего «внешнего» ему в виде пассивного «контекста». И точно таким же образом, но уже в отношении с

собственным именем означаемое / означающее, субъект / объект и подобные оппозиции меняются местами и становятся неадекватными. Новизна ситуации проявляется в изобилии, избыточности вещей, переполненных информацией, обладающих повышенной знаковостью, и в их «всеобщей грамотности» в плане владения письменным языком, как правило, не единственным. Все в этом насыщенном информацией мире говорит с нами, реализует свое действие через письмо и его чтение.

Существует несколько стратегий поведения в отношении этих сил: смиренное подчинение или борьба с ними парирующими ударами своего индивидуального стиля с целью освободиться или победить, подчинив своей власти суверенные стихии, представив их сущности, «логики» как имеющие смысл для нас; тем самым придать рациональное оправдание действию сверхчеловеческого. Из всех возможных вариантов Деррида выбирает третий, двусмысленный путь: переиграть, достичь своей цели, используя силу Иного.

В рамках своеобразного семиологического персонализма Деррида не описывает такую властную вещь, как субъект, но скорее как Иное личности, другую, часто женскую личность. Она владеет своей субъективностью, поскольку не относится к себе самой, не контролирует себя, если под отношением понимается субъектно-объектное присвоение, - «не присваивает» себя. Скорее наоборот, растрчивает себя, рассеивает энергию, волю, приказы в движении от себя. Уже здесь просматривается центробежный или децентрированный образ Иного как лейтмотив всей философии постмодернизма. С таких позиций категории «освоение», «субъектность», «центростремительность» как движение к сущности, истине, логосу, лежащим где-то в центре предмета; в потаенной, сокрытой глубине, являются понятиями эгоцентрического мужского сознания, отражающими реальный фаллоцентризм европейской культуры. Философским сознанием, соответствующим этой модели мышления и практики, становится трактовка Бытия как наличного присутствия, а сознания и его объектов - как предстоящих друг перед другом в ожидании обнаружения сути бытия.

Ж. Деррида предлагает не просто перевернуть модель и утвердить бытийность отсутствия, его содержательность и полноту. Он стремится осуществить настоящее бегство, отступление от сути, утверждая, что сама конфигурация бытия образуется сложной взаимодополнительной игрой присутствия и отсутствия, истины и лжи, присвоения и отчуждения, приращения богатства и проматывания.

Возможно, именно этим и объясняется неустранимая трудность восприятия текстов философа сознательно программирующего ситуацию многократного чтения. Структурно освобожденные от подчинения логосу и истине, от обязательства «хорошего» рассказывания, простого, ясного, линейно связанного изложением сути, «от всякого жизненного желания-сказать, [его тексты] ... всегда могут ничего не желать-сказать, не иметь никакого разрешимого смысла; пародийно разыгрывать смысл, до бесконечности прививаться то здесь, то там, смещаясь за пределы всякого контекстуального корпуса или законченного кода. Читаемый как текст, этот фрагмент всегда

может оставаться тайной - не потому, что скрывает тайну, а потому что всегда может не владеть ею, притворяясь, будто в складках его [зонты] спрятана истина»¹.

Изысканный для ритма нашего времени характер медленного чтения как письма, полуметафоричный и одновременно философски-косноязычный, нарушающий естественное течение языка - стиль Деррида допускает возможность неволевого потребителем, суверенный отказ от стремления к признанию. Вот почему прежде прозрачное философское письмо теперь становится художественно-непрозрачным, затрудненным, остранным языком, количественная масса которого моделирует приращения понимания, но не смысла. Вас оглушают словами, ничего не говоря, никуда не ведут, в то же время властно заманивают в суверенный процесс чтения текста, вызывающий поэтический трепет. Читать так - значит относить себя к письму, т.е. проникать тот герменевтический горизонт, предполагающий с большей или меньшей долей наивности веру в то, что фраза имеет в виду нечто, происходящее из самих глубин авторской мысли.

Если любое повествование является по сути своей освоением, организующим целостность языкового процесса, если «история истины (истина истины) есть процесс освоения»²¹², то уклонение Деррида от рассказывания-обладания, отказ от просеивания, цензурирования, рационализации материала через его осмысление мы должны трактовать в русле традиции признания непреодолимости отчуждения суверенного человеческого мира от человека, его интегрированности в операцию освоения. Данная ставка Деррида означает отказ от претензий на преимущество, доминирование процесса освоения в познании и практике, включая привилегированный статус самообладания «властного в себе самом» субъекта, сохраняющего присутствие духа, самоуверенность в своих силах при встрече с любой сверхчеловеческой мощью.

Вопреки марксистской традиции, сравнение вещи с женщиной не свидетельствует о ее овеществлении и унижении, но, скорее, о реальной феминизации современной западной культуры, где женщина становится одним из важнейших социокультурных продуктов, максимально воплощающих в себе естественность, соблазн завораживающей игры природной силы, щедрой саморастраты и самодостаточной безответственности. В отличие от стремления мужчины к объективности и объективизму, женщина не думает, что дискурс о ней касается ее, как и ее дискурс о любом другом объекте соотносится с ним. И это скептическое различие, возможно, главное, чему постмодерная мысль научилась у нее.

Следуя духу и практике модернистской традиции приписывать опасному, неподконтрольному сознанию Иного явно женские черты, Деррида все же превышает этот канон настойчивым проведением логики опоры на внесистемное. Поэтому, в отличие от модернистов, он маркирует положительно не менее воображаемую, чем у предшественников, «женщину» - игровую,

---

¹ Деррида Ж. Шпоры: стили Ницше / Ж. Деррида // Философские науки. - 1991. №3.-С. 123.

² Там же, С. 117.

активную и столь же фиктивную, как и господствующий столетиями в качестве объекта визуального удовольствия, предстоящий «суждениям вкуса» оценивающего мужского взгляда идеал хрупкой, пассивной женской красоты. Он искусственно конструирует ее как условную позицию вневидимости в отношении к господствующей мужской мыслительной культуре модернизма, развертывая таким знакомым ницшевским образом инсценировку погружения классической философии, искусства, истины, - словом, всякой сущности, тождества, свойственности в метасистему или бездну Иного, бессознательного, стихийного.

Таким образом, речь идет не об объективном феномене женщины, женственности, а о метафоре, с помощью которой Ницше и Деррида разыгрывают взгляд со стороны на привычную систему ценностей, инфраструктуру мышления. Женские мысли в мужском письме здесь являются инструментом, взятым на вооружение в качестве оболочек репрезентации своеобразного, нередуцируемого к мужской картине мира, принципиально непредставленного в ней гетерогенного действия искусственно продуцируемых сверхчеловеческих сил.

Фиктивный концепт «женщины», «женственности» в текстах Ж. Деррида вписан в конструкцию постмодерного разыгрывания истины-осмысления-присутствия в качестве маски Другого - псевдонима для обозначения неистины, не-знания, не-осваиваемого как «бездонного остранения» истины, знания, смысла - метафорой окружающего их и проникающего внутрь этих концептов метапространства. Оно «закавычивает» их безусловность, проблематизирует основательность, искажает чистоту, поглощает всякую сущность в рамках неклассического, внедискурсивного понимания без объяснения, без смысла. Не случайно среди предикатов, позволяющих инсценировать современную «истину» в женской оболочке, Ж. Деррида подчеркивает такие «собственно» женские черты - истины истины, как, во-первых, вписанность ее в метасистему дискурса, письма; во-вторых, ускользание, недоступность при стремлении грубо овладеть ею; в-третьих, ее скептическую в отношении всякого рода категориального догматизма, абсолютизирующего старую или новую структуру веры; в-четвертых, ее окутывающее завесой тайны притворство-утаивание, чуждое любви к ясности.

В отличие от основоположника модернизма Ницше, чья позиция при оперировании метафорой «женского начала» варьируется от осуждения «женщины» в качестве силы лжи или фигуры догматической истины - до признания ее в качестве лицедейки, вакханки, притворщицы, т. е. модели игрового, утверждающего самопредставления истины как идеи в женской оболочке, - позиция Деррида в данном вопросе гораздо более однозначна. Он видит явный прогресс в этом продвижении от представления идеи как присутствия (вблизи, подле «Я» рефлекслирующего философа платоновского или декартовского типа) - к выходу ее на сцену игры, письма, где она сама становится письмом - пишет и пишется, становится тоньше, двусмысленней, неуловимей и где ее утвердительный характер проявляется в пародийном, скептически-ироничном удвоении как стилевой стратегии, в чисто женском

«выдавании (представлении) себя за», - без явленного присутствия, выхода себя в свет в тексте. Она забавляется притворством и артистической философией, она есть сила утверждения, когда моделирует игровое действие суверенных реальностей нашего мира³.

Но если «женщина» является моделью игры в неклассической философии, то многоликий, разнородный стиль ницшевского или дерридарриановского письма свидетельствует об эротическом характере общения - со-общничества с Другим, разрывающим границы чисто мужских или женских игр в рамках тендерного тождества. Вполне естественна напрашивающаяся здесь аналогия с традиционным театром. Но или тревожно-беспокоящим удвоением - разыгрыванием женской пластики, остраненно-страстно имитируемой через свою инакость - ткань текста мужского танца у Р. Виктюка.

Приведенные выше фрагменты представляют собой еще сравнительно простые образцы многослойного, метафорического, амбивалентного стиля Жака Деррида. Предваряя последующее движение к основаниям мыслительной парадигмы французского автора, остановимся на трех выводах.

Во-первых, отметим, что процесс движения мысли обрисован здесь как цепь бесконечного замещения знаков, перекодирования и вуализирования ее, а никак не прояснения, не совлечения покровов с «истины - женщины» потому, что именно необходимость завесы, сокрытия, темноты, тайны делает ее глубокой, соблазнительной и желанной, полагает философ. Следовательно, мышление и знаки, их бытийные основы и инобытие чтения и письма фундаментально непрозрачны, нечисты, непросветляемы рассудком и смутны. И это вполне естественно, ибо не может быть упрощения мысли и текста по мере усложнения жизни. Простота текста или его объяснения является ложной добродетелью, равно как и стремление вернуться к простым и подлинным, незамутненным первоосновам бытия или социальной жизни, - стремление упростить мироустройство - может оказаться самоубийственной утопией.

Во-вторых, живой огонь мысли, информации в тексте выражается не только в бытии - присутствии в логосе, голосе, заполняющем сознание мыслящего субъекта с его волей, разумом, авторским «Я», но и в его антитезе - в ничто, в небытии, в отсутствии, в молчании, в золе и пустоте серых, стертых старых слов. «Свято место» для Деррида как раз пусто и тем самым преисполнено значения, молчаливо говорит.

В-третьих, само мышление базируется на различительной способности человека, развертывается как стихия дифференциации - образования значений, смыслов по мере создания ткани текста. Его категории и метафорические образы: бытие / небытие, присутствие / отсутствие, огонь / зола, мужское / женское, концепт / знак, интеллигибельный / чувственный, центр / периферия, речь / письмо, воспоминание / забвение - образуются парными, отсвечивающими друг в друге дифференциями. Поляризация этих пар, догматическое противопоставление по типу «до сих пор философы лишь различным образом *объясняли* мир, дело же теперь в том, чтобы *изменить* его (Маркс) или их

---

³ Там же. С. 129.

натурализация как придание естественного статуса тому, что принадлежит конвенциям метафизического или спекулятивного идеологического дискурса, - все это составляет объект постоянной разоблачительной критики в философии постмодернизма. Так новое, энергичное, опирающееся на современные реальности и потому достаточно заразительное объяснение содержит в себе огромный эвристический и Преобразовательный потенциал и, действительно, меняет мир. Деррида не является здесь исключением. Он не предлагает оказаться по ту сторону оппозиций, как Ницше, или перевернуть их, как Маркс, но всего лишь осуществить сдвиг - снять иерархию, «диктатуру» одной из дифференций в их мирном «сосуществовании» по принципу взаимодополнительности аксиоматических оснований в системе мышления.